



И. А. АРТОБОЛЕВСКИЙ

К биографии В. О. Ключевского* **(Ключевский до университета)**

С год тому назад редакцией журнала «Научное слово» издан сборник памяти В. О. Ключевского; в этом сборнике любовною рукою учеников и почитателей его всесторонне охарактеризована личность гениального русского историка — и как ученого, и как учителя, и как редкого художника слова. Первое место в сборнике занимает биография В. О., составленная проф. М. К. Любавским¹. Биографические сведения о покойном отчасти встречаются также в статье проф. М. М. Богословского² («В. О. Ключевский как ученый») и в статье П. Н. Милюкова³ («В. О. Ключевский»). Совершенно понятно, что в биографическом очерке проф. Любавского, как и в других, появившихся после смерти В. О., главным образом, освещается «московский период» его жизни и деятельности (который, впрочем, покрывает слишком две трети и его жизни, и его деятельности) и слишком мало дается здесь сведений из того периода, который можно бы было назвать периодом «строительства» высокой личности русского историка. Разумею, конечно, период детства и среднего школьного образования В. О. Настоящий очерк имеет целью хотя отчасти восполнить этот пробел. Сведения об этом периоде почерпнуты нами из следующих источников: 1) из рассказов самого В. О., которые тем легче укладывались в нашей памяти, что ассоциировались с знакомыми нам лицами и местами; 2) из рассказов пензенских старожилов, сохранивших в памяти некоторый подробности о детских и школьных годах в жизни В. О.; 3) отчасти из писем В. О. к его дяде — свящ. И. В. Европейцеву⁴, написанных уже

* Ко второй годовщине со дня смерти В. О., 12 мая 1911 г.

из Москвы в период его студенчества*; и 4) главным образом, из сообщений, любезно доставленных нам сестрою покойного историка — Елизаветою Осиповною⁵, которая 15 мая запрошлого года, в день погребения В. О., скромно стояла в университетской церкви у изголовья почившего и тихими слезами оплакивала в нем не только отзывчивого ко всякой скудости и на редкость заботливого «брата», но и лучшего «друга», с которым Е. О., во время приездов в Москву, несмотря на разность положения и интеллектуального развития, проводила в разговорах, по ее словам, целые ночи. Оторвавшись от своего письменного стола в своем более чем скромном кабинете на Житной, от напряженной и проникновенной работы по восстановлению прошлого России, В. О., согласно указанным сообщениям, любил с какою-то тихой грустью погружаться мыслью в свое прошлое вместе с сестрой, живо символизировавшей для него это «прошлое», где был также свой «злой и лихой татарин» в виде страшной нужды, подстерегавшей каждый шаг жизни, где все было «худостно, все нищенско, все сиротинско»**. «Был ли кто беднее нас с тобой, сестра, в то время, когда остались мы сиротами на руках матери!» — заключил один из таких разговоров В. О. Кто хотя немного знал покойного как человека, тот нисколько не удивится этой «дружбе» его с сестрой, вдовой бедного сельского дьякона***, потому что — где и среди кого, в сущности, В. О. не имел друзей? Интересный для всех, он находил интерес для себя решительно во всех, как и в области истории он находил интерес в том, что в научном смысле было решительно неинтересно для всех (жития святых), — и это дружило его со всеми и всем. «Живая личность» и в истории дороже была для В. О. или, вернее, всегда предшествовала отвлеченным схемам и априорным построениям, — живая личность в ее непосредственной целокупности, с той почвой, на которой она росла, с тем бытовым укладом, который вокруг себя создавала, — живая личность — в ее крупных и высоких «деяниях», и в ее повседневных, мелких, часто греховных «делишках».

* Письма эти в количестве 13-ти, любезно доставлены нам из Пензы Ив. Ив. Смирновым, родственником Ключевского (женат был на двоюродной сестре В. О., — теперь покойной, — дочери свящ. Европейцева).

** Сведения, сообщенные Е. О., настолько совпадают во многих пунктах с собственными рассказами и часто мимолетными указаниями самого В. О., что мы без всякого колебания решились использовать и все их для нашего очерка.

*** За несколько лет до смерти священника (Вирганского).

Весьма возможно, что некоторые факты в нашем очерке жизни В.О. в период детства и школьного воспитания многим известны из его собственных рассказов; в этом почти не может быть сомнения, если иметь в виду словоохотливость В.О., особенно по отношению к прошлому. Но в печати — мы, по крайней мере, — их не встречали, хотя и тщательно просматривали многочисленные справки и заметки о жизни В.О., которые появлялись в газетах и журналах в момент его кончины и после.

Фамилия «Ключевский» произошла, несомненно, от с. Ключей (Чембарского уезда)*, где был священником дед В.О.**⁶. Всего вернее, во всяком случае согласно с обычаями того времени, думать, что дед В.О. назывался только именем и «отчеством», а при поступлении в духовное училище отца В.О. — Иосифа Васильевича⁷, ему присвоена была фамилия «Ключевский». Изобретение таких фамилий было обычно привилегией смотрителей, или, как они тогда назывались, ректоров духовных училищ. Отец же В.О. начал свою службу не в Ключах, а дьяконом при Николаевской церкви г. Пензы. Исстари «чистый», но мало обеспечивающий духовенство — приход, отчасти благодаря близости к этой церкви собора, с его местными святынями. Значительная часть прихожан «отливает», как выражаются здесь, в собор. Может быть, это обстоятельство побудило Иосифа Васильевича оставить Пензу и искать священнического места в селе, несмотря на то, что жена его была коренная уроженка Пензы, дочь протоиерея Духосошественской церкви — о. Федора Мошкова⁸. И.В. поступил священником в с. Воскресенское, в 12-ти верстах от города.

Во время служения Иосифа Васильевича в с. Воскресенском и родился знаменитый историк — в Пензе, в доме своего дедушки (отца матери Анны Федоровны) протоиерея Мошкова, — 16 января 1841 года. Вскоре отец В.О. был переведен в с. Можаровку Городищенского уезда, где протекли первые годы детства В.О. Из 10-ти уездов Пензенской губ., Засурский (единственный уезд на правой стороне р. Суры, прорезывающей Пензен. губ. с юга на север), Городищенский уезд, отличается большим своеобразием в смысле природных условий. Знаменитого аршинного чернозема здесь почти не знают; небольшие клочки его, и то с некоторою примесью песка (почему он и называется здесь супеском), можно

* Как фамилия Белинский (В.Г.), точнее — Бельинский — от с. Бельнь, также Чембарского у. Пензен. губ.

** А не отец, как указано в ст. П.Н. Милюкова в отмеченном сборнике.

встретить лишь в приречных долинах. На возвышенных же местах почва или суглинистая, или чаще всего каменистая, иногда сплошь покрытая довольно крупным камнем. Если принять во внимание значительную неровность, холмистость местности, легко представить, с каким трудом ходит здесь первобытная соха под звук перетрясаемого ею щебня. Здесь, в Городищенском у., не знают, как в других уездах, длинных полевых полос, которых «глазом не окинешь»; здесь именно «кочки», затерявшееся в незатопляемых долинах речных водоразделов, в перелесках и на ложах уже сформировавшихся и окрепших оврагов. Громадная часть площади этого уезда покрыта лесом, по преимуществу сосновым; в лесных ложбинах — явление не редкое — выбивающиеся из горы ключи, с сильною жилою и на редкость, благодаря характеру почвы, чистою водою. Нужда в расширении запашки вызывает здесь напряженную и трудную работу корчевки леса, в которой особенно специализировалась здесь мордва. Благодаря обилию лесов, а след., и влаги, урожай на этих выкорчеванных участках получается редкий, если только не подстережет его особая беда, которой не знают другие, степные уезды: во время половодья и ливней — с гор, через «ложбины», несутся сюда потоки воды, которые буквально затягивают илом весь посев, хотя вместе с тем способствуют плодородию этой почвы. Вообще, то, что называется «борьбою с природой», здесь лучше знают, чем в других уездах. И весьма возможно, что родные картины*, запечатлевшиеся в сознании В. О. еще в детстве, нередко предносились ему, когда по историческим документам рисовал он картину напряженной борьбы с природой и ее стихиями, которую с непреклонным упорством вел древний славянин, особенно на севере русской равнины. Это, может быть, тем вероятнее, что и самое

* В 1891 г., во время голода в пределах Пенз. губ., В. О. был сильно озабочен положением крестьян с. Можаровки и посылал туда несколько раз денег на голодающих. В этом деле он оказался даже однажды жертвою обмана. По письму одной местной жительницы он выслал ей денег на устройство столовой для можаровских крестьян, но после оказалось, что просительница все присланные им деньги употребила на устройство столовой не в Можаровке, а в своем селе. На вторичную просьбу ее о пожертвовании В. О. отказал. Но Можаровки он не забывал. Уже значительно позднее (после 1900 г.) лично нас В. О. просил узнать, кто состоит священником в Можаровке, а сестре своей Е. О., как проживавшей в это время в пределах Городищенского уезда, он поручал на месте собрать справки о положении крестьян в с. Можаровке, — узнать, есть ли у них при церкви какая-нибудь библиотечка и проч. Хотел он также писать об этом и священнику, когда адрес последнего был ему доставлен.

крупное событие в жизни Ключевского за это время, весьма резко изменившее условия жизни его семьи, — трагическая смерть отца — навсегда ассоциировалась в сознании В. О. с «природой» и ее «стихийными условиями». Это трагическое событие, судя по рассказам самого В. О. и сведениям, данным его сестрою, представляется в таком виде. Отец В. О. Иосиф Васильевич отправился однажды с одним из членов причта на базар в с. Шемышейку (Саратовской губ., которая здесь очень близко подходит к Пензенской) для закупки огурцов. Ехали на двух различных подводах. На обратном пути спутник значительно опередил его И. В., заснувшего от утомления на возу. К Можаровке из с. Шемышейки вело два пути: один более длинный, но более ровный, удобный; другой путь, через мельницу, был короче, но менее удобный. Проснувшись, И. В. увидел, что лошадь шла по первому пути, и так как начинался дождь, то он, вернувшись обратно, поехал по второму пути, на мельницу, чтобы скорее достигнуть Можаровки. Дорога шла под гору и посередине была «ложбиной», т. е. канавой. Между тем дождь усиливался и скоро превратился в страшный ливень; с горы с шумом вслед И. В. неслись целые потоки воды. В середине спуска лошадь подвернула воз, и он, падая, придавил своей тяжестью отца В. О. С большим трудом, сильно помятый, И. В. кое-как выбрался из-под веза и пошел вниз, крича о помощи; после оказалось, что крик его слышали женщины, бывшие в это время на ближайшем гумне, но побоялись идти на крик и убежали домой. Между тем отец В. О., пришибленный, весь мокрый, выбившись из сил, упал поперек ложбины на дорогу прямо в поток воды, бежавшей с горы. Этою водою его сразу захлестнуло, и он захлебнулся. В таком виде его и нашли семейные, которые скоро прибежали к месту происшествия, вероятно, по словам женщин, сообщивших о крике, и обеспокоенные сами по себе возвращением из Шемышейки одного только спутника Иосифа Васильевича.

После трагической смерти мужа мать В. О. Анна Федоровна переселилась с детьми в Пензу, приобрела здесь небольшой домик в улице Поповке, неподалеку от дома своей матери, бабушки В. О., которая, после смерти мужа, прот. Мошкова, поселилась также в этой местности города. С этого времени начинается самый тяжелый период в жизни семьи Ключевского, и в частности В. О. Единственным средством к жизни были грошовые нахлебники, которым отдавалась лучшая половина дома. Сами же Ключевские ютились в небольшой задней половине дома, где местом для занятий В. О. были — да, очевидно, и могли только быть — знаменитые

в жизни старого семинариста «полати». Сюда забирался В. О., по сообщении сестры его, и от тесноты и зимой, главным образом, от холода. Когда не на что было купить свечи, он устраивал себе так называемый «ночник», стаканчик с конопляным маслом и поплавком, и с таким освещением читал далеко за полночь; иногда засыпал за чтением и разливал масло. Однако это усердие не спасло В. О. от звания «камчатника» в первые годы его обучения в духовном училище. Эта официальная учеба шла туго и плохо. Не «полати» и «ночник» были причиной этого, а природный недостаток В. О. в виде косноязычия, заикания. Когда приходилось слушать впоследствии мерно лившуюся, красивую и плавную речь В. О., с трудом верилось, чтобы когда-нибудь он был заикою. А между тем это было так. Но, очевидно, непреклонное упорство, необыкновенная энергия, отчасти родовое свойство старого семинариста, культивируемое всеми условиями материально-необеспеченной, трудовой жизни духовенства, способны были преодолеть не только «ночник» и «полати», но и такие физические дефекты, для устранения которых создаются теперь целые лечебницы. Но не преодоленный — этот недостаток доставил много огорчений и мальчику Ключевскому, и его семейным. Для наставников училища он был тяжелым учеником, с которым ни у кого не было особой охоты возиться. В правлении несколько раз раздавались голоса за увольнение Ключевского ввиду его безнадежности, и не столько жалость тогдашнего начальства, сколько заступничество дяди В. О. — настоятеля Боголюбской церкви*, в доме которого неоднократно бывал и сам твердый и всевластный еп. Варлаам⁹, — заставило правление училища отказаться от мысли об исключении Ключевского. Вскоре эта мысль и без внешнего заступничества была совершенно оставлена, когда сквозь косноязычие для всех заметно стала пробиваться, особенно в письменных работах, светлая и сильная не по возрасту мысль. Семинарии училище передало Ключевского уже как «красу», способную «поддержать», как в это время выражались, «честь училища»**. И Ключевский блестяще осуществлял в семинарии эту надежду; и если «обесчестил» и училище, и семинарию, то только единственный раз, когда в начале пятого года обучения возымел, дерзновенное по тому времени, желание поступить

* Священника Иоанна Васильевича Европейцева. При Боголюбской церкви служил в течение двадцати лет (1847–1867).

** Почти традиционное выражение, имевшее место тогда в речах зрителей к окончившим курс воспитанникам училища.

вместо Духовной академии — в университет, хотя и искупил это «бесчестие» тем, что сталь впоследствии «честью» России, и много и плодотворно потрудился для духовного образования, когда вступил и в академию — не в качестве уже студента, а в качестве профессора. В семинарии Ключевский много и упорно работал — в той же обстановке и условиях, как и прежде. Эта работа шла, так сказать, в трех направлениях. Ключевский уделял известное время и официальным занятиям, семинарским урокам, и до того злополучного момента, когда семинарское начальство стало угадывать о намерение его оставить семинарию для университета, он неизменно занимал первое место по списку, и все-таки, по рассказам его товарищей, расстояние между Ключевским и единственным его соседом по списку оставалось неизмеримым. Но, главным образом, занятия В.О. за это время сосредоточивались не в классе, а на тех же «полатах», где, при свете ночника, он переходил от скандирования Илиады и Энеиды* к штудированию курсов философии, надолго

* В.О., по воспоминаниям его товарищей, был большим знатоком и любителем классических языков еще в семинарии. Усиленно он занимался ими и в период студенчества, наряду с историей. Любовь к истории и древним языкам он постоянно старается привить и другим. «Пусть все отдаст истории и древним языкам...» — заказывает он в одном из писем (из Москвы — в период студенчества) к дяде — свящ. И.В. Европейцеву, — относительно Поля, сына Ивана Васильевича. В том же самом письме он с восторгом сообщает, что он «купил в Москве Илиаду на греч. языке с немецкими объяснениями — целый том страниц в 900 — за 61 коп. серебром!» (Письмо от 9 декабря. Год не помечен). В другом письме к тому же Полю, по поводу нападок последнего на классические языки, под влиянием «реалистического» направления в тогдашней литературе и публицистике, Ключевский с горячностью пишет: «Ты заявляешь, что классические языки, мертвые языки, “слишком высоко поставлены в нашем образовании”. Предоставляя тебе самому судить, хорошо ли делать нападки на мертвых, я спрошу: где они слишком высоко поставлены в нашем образовании? Кто это ставил их так? Что гимназистов заставляют знать склонения и спряжения по Кюнеровой грамматике — неужели это значит поставить древние языки слишком высоко? Неужели выучиться ощупью идти (по указке учителя) по какому-нибудь Саллюстию или Корн. Непоту — значит потратить много времени и много сил (курс автора), как ты выражаешься? Зачем клеветать на русское образование, что оно заставляет тратить много времени и сил на древние языки? Эта клевета была бы отличным комплиментом ему, но, к сожалению, она — клевета, этого нет на самом деле. “Жаль, что нет Чернышевского — восклицаешь ты, — вот человек!” Вероятно, ты не договорил, что вот этот человек задал бы этим несносным мертвым языкам, отнимающим у нас столько времени и сил. Ну, задал бы, поразил бы: что же из этого? Много ли чести бить лежачих! Вот если бы он заговорил об этом в Германии или Англии, — там это имело бы смысл: там действительно теряют на них много времени, но не сил,

задерживался на исторических трудах Татищева¹⁰ и Карамзина¹¹, находя в них обильную пищу для пробуждавшегося уже интереса к изучению прошлого России. Но скудость и нужда семейная невольно заставляли Ключевского переходить от далекого прошлого к наличной действительности, слезать с «полатей» и бегать по урокам, или, как тогда говорили, по кондициям. Уже с первых классов семинарии он стал давать уроки; первый урок его был у тогдашнего инспектора семинарии — прот. И. П. Бурлуцкого¹² и оплачивался — смешно сказать! — тремя рублями в месяц. Но этот выбор Ключевского в качестве репетитора к сыну, лицом, в распоряжении которого находилась вся семинария, показывает, насколько умственно превосходил он не только своих товарищей-сверстников, но и более зрелых возрастом воспитанников. Чрезвычайно трогательны сообщения Е. О. о том, с какою любовью передавал В. О. весь свой скудный репетиторский заработок матери, — с заказом — сделать на него какую-нибудь необходимую обнову сестре. Когда мать начинала указывать ему на большие недочеты в его собственной костюмировке, В. О. с решительностью отклонял необходимость каких-либо расходов на него. «Мне не нужно! Я как-нибудь прохожу, я обойдусь; а она (сестра) уже большая...» — говорил он обыкновенно в этих случаях. Эта скромность, удивительная непритязательность во всем, отсутствие всякой склонности к какому-либо комфорту — одним словом, «простота, во всех ее видах, — являлись, как всем известно, отчетливыми чертами его личности и во всю последующую жизнь. Трудно было представить себе В. О. в шитом золотом мундире, когда он почти

а, напротив, приобретают от них громадные силы, делающие возможными такие явления в науке, как братья Гумбольдты, братья Гриммы, Лессинги, Фихте и проч. и проч. Как это умеют они делать, — не нам с тобой допытаться. А на нашей бедной ниве просвещения — позволю выразиться несколько по-семинарски — поднимут вопрос о том, что-де если в учебной программе порядочные педагоги приняли ставить древние языки, то не мешало бы и нам подучить греческие и латинские грамматики, — только этого и потребуют, — не больше, а глядишь, там уж в “Современнике” или “Русском Слове”, подняли страшный гвалт, зачем томить молодые, свежие силы над пустяками! Чернышевский — талантливая голова, ловкое перо, но если он говорил когда-нибудь печатно против древних языков в духе “Русского слова” или Антоновича, то будущий историк русской цивилизации, покрыв полным забвением и “Русское слово”, и Антоновича с другими теперешними подвижниками “Современника”, не отнесется с сочувствием к выходке Чернышевского, которого, разумеется, не пройдет молчанием» (Письмо от 28 октября. Год не помечен. Указанная дата месяца и числа поставлена на основании другого письма Ключевского от 4 ноября, в котором он упоминает и о приведенном письме, с указанием, что оно написано 28 октября).

стеснялся и форменного фрака. Когда сослуживцы шутя указывали ему на почтенный возраст фрака и пыльные пятна на нем, он также шутя отвечал: «Не забывайте, что и солнце не без пятен». Когда за столом предлагали ему деликатесы, он просил достать ему просто «зеленого лучку». Когда представлялась возможность ехать в коляске и на рысках, он предпочитал трястись на плохом московском «Ваньке»*, нередко вступая с ним в оживленный разговор; и во время своих еженедельных путешествий к «Троице», для чтения лекций в Духовной академии, он неизменно брал место в третьем классе, скромно сливаясь с той волной отливающих и приливающих к воротам лавры преп. Сергия паломников, чувства и мысли которых, как показала его знаменитая речь в день 500-летия со дня смерти преп. Сергия, были так близки, так знакомы ему. И конечно, никто и никогда и не мог бы и подумать, что все это было со стороны В.О. как бы афишировкой, рассчитанной позой или красивым жестом. Это — свойство людей маленьких, незаметных, у которых за внешностью нет глубокой и твердой подпочвы. Но В.О. с головы до ног, если можно так выразиться, был столь крупным и оригинальным явлением в истории интеллигентной России последнего времени, что для него все это было просто излишним, ненужным. Нет сомнения, что в указанной черте духовного облика Ключевского проявлялась свойственная действительно великим и крупным людям верность почве, на которой они выросли, — тем вековым условиям быта, который с детства окружал их. «Почвенник» — это чрезвычайно меткий и характерный эпитет, данный В.О. его учениками и последователями, встречающейся и в указанном сборнике. Он способен обнимать собою и оригинальную личность В.О. и в известной степени и его оригинальнее творчество.

* Мне живо припоминается сейчас один разговор с В.О. на эту тему, когда мы ехали с ним именно на таком «Ваньке» с Житной, в Каретный ряд, причем извозчика взялся нанимать сам В.О., решительно отстранив меня от этого дела словами: «Вы, земляк, не знаете московских извозчиков». Когда на Полянке от промчавшейся на резиновых шинах коляски мы приняли невольную грязевую ванну, В.О., оправившись, сказал, что и он мог иметь даровую возможность также «пускать — не пыль, а грязь в глаза». Известная богачка Морозова (имя и отчество я забыл теперь 13), у которой он когда-то занимался с сыном, предлагала ему в качестве презента полный выезд — коляску и двух дышлового лошадей. «И все-таки я отказался», — заключил с иронически-печальной интонацией в голосе В.О. Когда я спросил, почему он отказался от такого презента, В.О., нервно задергавшись, стал выкрикивать: «Помилуйте, разве мне это к лицу?! Разве, сознайтесь, не смешон был бы я в такой коляске?! Разве я не был бы тогда вороной в павлиньих перьях?!» и проч.

Не до позы и не до жеста было В. О., когда студентом он по суткам не ел и по 2–3 дня оставался без чая, и тем не менее всегда застенчиво и упорно отказывался от предлагаемой ему чашки чая или кофе. Со слов тещи В. О., Елизавета Осиповна сообщает, что когда В. О. занимался в их доме с племянником, он ни разу не выпил ни одного стакана чая или кофе, всегда скромно заверяя, что все это он успел уже сделать дома.

Скудный трехрублевый бюджет В. О. вскоре значительно возрос: кроме занятий у прот. Бурлуцкого, В. О., вероятно, по его же рекомендации, получил урок у известного тогда в Пензе богатого винозаводчика Маршева. Кажется (судя по сообщениям Е. О.), за этот период репетиторства детей Маршева¹⁴ слагается у В. О. твердое намерение о поступлении в университет. В доме Маршева В. О. занимался уже со взрослыми детьми, приготавливая их для поступления в университет. И вот, готовя их в университет, он и сам готовился с ними*.

Намерение поступить в университет окончательно созрело в В. О. на пятом году его обучения в семинарии, когда он перешел в старшее отделение семинарии (по нынешнему 5-й класс). История ухода В. О. из семинарии довольно известна и отмечается во всех его биографиях. Она связана с именем видного в истории русской иерархии преосв. Варлаама (впоследствии архиепископа Тобольского; скончался 31 марта 1876 г.) и весьма характерно рисует отношение духовного начальства того времени к уходу семинаристов в высшие светские учебные заведения. В недавно вышедшей монографии о преосв. Варлааме**, история эта излагается в таком виде. В декабре 1860 года, *незадолго до полугодичных экзаменов****, Ключевский подал в семинарское правление прошение

* Двое сыновей Маршева поступили в Московский университет и учились там одновременно с В. О., что видно из письма последнего из Москвы к дяде священнику Европайцеву. «Не знаю, передал ли вам Маршев, — пишет В. О., — записку от меня, написанную второпях на прощанье. Теперь они оба в Пензе. Экзамена для них, как считающихся на первом курсе, нет» (Письмо от 23 марта 1863 г.). Последние слова заставляют думать, что Маршевы или не одновременно с В. О. поступили в университет, или же, что вернее, отстали от него. В марте 1863 г. Ключевский был уже на втором курсе.

** Свящ. С. Артоболевского. Изд. в Пензе. 1912 г.

*** Курсив наш. В биографии В. О., напечатанной в майской книжке «Богосл. вест.» за 1911 г., сказано, что Ключевский подал прошение об увольнении непосредственно после полугодичных экзаменов в декабре 1860 г. Наша поправка имеет в основании собственный рассказ В. О., который мы передаем ниже.

об увольнении, в котором писал, что «при стеснительных домашних обстоятельствах, препятствующих ученическим занятиям в Духовной семинарии, и при слабом здоровье он не может продолжать образования в означенной семинарии». Начальство восполнилось. Не хотелось ему и лишиться такого даровитого ученика, как Ключевский, да и боялось оно гнева архипастыря, который не особенно долюблял «выходы» семинаристов из духовного звания. Подумали, подумали и решили заградить Ключевскому дорогу, воспользовавшись тем, что он получал казенное пособие (за все время им было получено 66 р. 50 коп.), а также «тем, что он при поступлении в среднее отделение “собственным отзывом изъявил желание остаться в духовном звании”». Написали доклад преосв. Варлааму, с подробною справкою относительно получаемого Ключевским содержания, и увенчали этот доклад следующим заключением: «Так как положением Св. Синода 1829 года постановлено, чтобы каждый, совершивши курс в духовных училищах на содержании сих училищ, обязан был, если потребует начальство, в благодарность за свое воспитание, служить по духовному ведомству не менее четырех лет, и так как ученик Ключевский постоянно пользовался значительным (!) казенным пособием, то в прошении об увольнении его из семинарии отказать». Вместе с тем на основании того же положения Св. Синода отказать теперь же ему и в денежном пособии, тем более что своим прошением об увольнении Ключевский показывает, что он имеет собственные средства к содержанию себя»*.

Положение Ключевского после такого постановления правления было не из завидных. Самым худшим для него было то, что рушились его мечты о поступлении в университет, так как без разрешения семинарского правления и епархиального начальства поступление в университет было немыслимо. И вот в роли истинно-попечительного отца выступил тогда архипастырь пензенский — преосв. Варлаам. Прозрел он будущую яркую звезду

* Все это сделано было в угоду владыке. Лично же к Ключевскому семинарское начальство, по крайней мере, тогдашний ректор архимандрит Евпсихий¹⁵, было очень расположено. Впоследствии, когда Ключевский был уже студентом, Евпсихий очень сетовал дяде В. О. (свящ. Европейцеву), что последний забыл его и ничего ему не пишет. «Не знаю, что это вздумалось Евпсихии, — замечает Ключевский в одном из писем к дяде, — иметь на меня претензию, что я не пишу к нему. Да как я стану писать к нему и о чем? Что у нас общего и где точка соприкосновения? Не знаю; подумаю, может быть, и напишу» (Письмо от 4 ноября. Год не помечен).

нашей исторической науки, гордость двух высших школ (университета и академии), славу родной семинарии — и решил дело краткой резолюцией: «Ключевский не совершил еще курса учения и, следовательно, если он не желает быть в духовном звании, то его и можно уволить беспрепятственно»*.

На основании личных рассказов В. О. и сообщений заинтересованной по-своему в этом деле (как это ни странно) сестры его — Е. О., мы имели бы возможность несколько дополнить эту историю ухода его из семинарии — в той ее части, которая касается личности преосв. Варлаама. Резолюция преосв. Варлаама, конечно, была «мудрым приговором», как выражается в биографическом очерке проф. Любавский, а точнее, просто справедливыми законным приговором, и несомненно также, что этот приговор «в истории русской науки и высшего преподавания всегда будет отмечаться с великою признательностью»; но едва ли возможно сказать, согласно тем данным, которыми мы располагаем, что преосв. Варлаам в этой истории выступает «в роли истинно-попечительного отца», как думает автор монографии о Варлааме**. Здесь пред нами строгий, пожалуй, осторожный законник, но никак не отец. Далеко не с отеческим благоволением посмотрел он на «поступок» Ключевского, несмотря на благоприятную для него резолюцию. Последующие его действия показывают, что на этот «поступок» Ключевского преосв. Варлаам посмотрел как на «проступок», если не против закона, то против установленных традиций, или, вернее, личных взглядов и вкусов преосвященного. «Проступок» требовал некоторого «возмездия», своего рода «жертвы». И остроумный владыка придумал и то и другое, преследуя, может быть, в конечном счете и благую, с своей точки зрения, цель — спасти Ключевского от той «гибели», которую раз-

* См. вышеуказанную монографию о преосв. Варлааме, стр. 177–178.

** И в сознании самого В. О. не осталось такого впечатления от «действий преосв. Варлаама, вопреки утверждению автора монографии о последнем. В одном из писем из Москвы к дяде свящ. Европейцеву, В. О., имея в виду, может быть, и свое дело и всю вообще деятельность преосв. Варлаама в Пензенской епархии, в таких иронических выражениях отзывается об уходе Варлаама из Пензы (в Тобольск): «Гвоздев мне писал, что преосв. Варлаам проездом через Казань приглашал к себе пензенских студентов (очевидно, Духовной академии, т. к. П. П. Гвоздев¹⁶ учился именно в Казанской академии) и им выражал свою печаль по поводу отъезда из Пензы. Отвечает ли паства такой безотрадной тоской на эту высокую печаль своего великого пастыря. Сомнительно! Разве новый будет еще хуже, — ну, тогда, пожалуй, можно пожалеть и о прежнем» (Письмо от 15 декабря 1862 г.).

решить он должен был по закону. Прежде всего, преосвященный нашел нужным подвергнуть Ключевского некоторому публичному словесному бичеванию, что и осуществил он на одном из полукурсовых экзаменов пред Рождеством. Покойный, вспоминая прошлое, с обычным своим юмором, так рассказывал об этом «бичевании». «Задумал я уйти из семинарии и подал пред Рождеством в правление прошение об увольнении. Наступили полугодовые экзамены, на которых почти на всех имел обыкновение присутствовать и преосв. Варлаам, так любивший всех — и больших и малых — экзаменовать. Обо мне начальство уже ему доложило, и по тону последнего соображаю, что “владыка сердится”... Ну, думаю, дело плохо, университет мой “тю-тю”... На одном экзамене Варлаам что-то особенно сурово поглядывал на меня и, сверх ожидания, к столу, в числе лучших учеников, не вызвал. Сижую, жду — что-то будет и чем дело окончится. И дождался... Встает владыка из-за стола и подходит к той парте, за которой я сидел. “Ты, — спрашивает, — Ключевский?” — “Я”, — отвечаю смиренно. — “Правда, что ты задумал идти в университет?” — “Правда”. Что дальше говорил владыка, теперь я не смог бы восстановить в памяти; но резюме разговора хорошо помню. “Дураком успел бы быть”, — резко заключил Варлаам свою нотацию». Но «дураком» дело не ограничилось. Преосвященный хорошо соображал, что основательно распечь ученика, в присутствии товарищей и наставников, даже назвать его публично «дураком», по духу его времени, вовсе уже не столь внушительное средство воздействия на последнего, который, конечно, знал, слышал, возможно, что и лично наблюдал — и не такие «разносы» архиереев во время его ревизии епархии; знал он также, что на полученный им эпитет владыка не скупился даже и для ректора семинарии в покоях архиерейских, а публично (напр., на экзаменах) он неоднократно ставил и ректора и наставников семинарии своими вопросами в положение, соответствующее этому эпитету. Что же значило получить его из уст владыки ученику семинарии.

Преосвященный измыслил другое, придумал «жертву», каковой стала сестра покойного историка — Елизавета Осиповна; и необходимость принести эту жертву, при удивительной нравственной чуткости В.О. и родственной сплоченности семьи Ключевских, совсем было заставила его отказаться от своей мысли — поступить в университет. И если вспоминать с признательностью имена лиц, способствовавших сохранению В.О. для русской университетской науки и высшего преподавания, то в первую очередь здесь нужно

поставить не преосв. Варлаама, а более скромную личность уже упомянутого нами дяди В. О., священника И. В. Европейцева*, действительно, «отчески-попечительного» к семье Ключевских, друга (несмотря на разность лет) и неизменного авторитетного советника В. О. (которого, кстати сказать, дядя в это время звал уже на «Вы», а также по имени и отчеству) оказавшего и в это время незаменимую нравственную поддержку В. О.** и с любовью благословившего его на избранный им путь. Но расскажем обо всем по порядку. Нужно заметить, что преосв. Варлаам, несмотря на свою суровость (с этим, главным образом, качеством он до сих пор остается в памяти епархии), близко стоял к быту и условиям жизни духовенства, близко входил в его нужды, — часто даже нужды семейные, интимные. Что касается, по крайней мере, градского духовенства, то нам положительно известно, что преосв. Варлаам всегда был отлично осведомлен о составе семей его, особенно о количестве дочерей, о дочерях, уже пришедших в зрелый для замужества возраст. Чтобы помочь духовенству в этом трудном семейном вопросе замужества, преосвященный не редко принимал на себя инициативу в этом деле или способствовал ему всеми зависящими от него средствами; часто сам настоятельно указывал невест молодым кандидатам священства, уговаривал колеблющихся, ставил в связь с женитьбой получение места, настаивал на браках с духовными, если подавалось прошение о разрешении женитьбы на светской. Это была своего рода «слабость», особенно сильно обнаруживавшаяся, когда дело касалось дочерей-сирот.

Испытывая сильную нужду, мать В. О. также задумала воспользоваться этою «слабостью» преосвященного для подраставшей уже Елиз. Ос. В праздник в честь иконы Боголюбской Божьей Матери (18 июня) преосвященный служил литургию в Боголюбской церкви и после обедни трапезовал в квартире дяди В. О. При представлении семьи Ключевских обращено было внимание на приходившую уже в возраст Елиз. Осип., причем бабушка ее стала просить преосвященного «пристроить» Елиз. Ос, т. е. найти ей жениха с приличным местом. Преосв. Варлаам, которому, несомненно, напомнили в это время о трагической кончине отца Ключевского, очень внимательно отнесся к просьбе и поручил дяде еще раз напомнить ему как-нибудь про сироту. Но около Рождества того же года произошла «история» с уходом из семи-

* Женат был на сестре матери В. О., — Анны Федоровны.

** И материальную — как увидим ниже.

нарии В. О. Когда уговоры семинарского начальства не повлияли на решение Ключевского, когда он спокойно перенес и «словесное бичевание» владыки на полукурсовом экзамене, последний пустил в ход последнее средство. Лично или через ректора семинарии он заявил Ключевскому: «Мы готовили тебя в академию; но ты не захотел этого. Поэтому нет твоей сестре ни жениха, ни места!» В. О. страшно удручен был таким заявлением твердого в своих словах владыки и решил отказаться от университета, чтобы не сделать несчастной сестру. С твердым решением оставить всякую мысль об университете пришел В. О. к своему постоянному советнику дяде*. Но последний посмотрел на дело иначе. Решительно и твердо он заявил, что нет настоятельной необходимости жертвовать своим счастьем для сестры, раз нет никакого призвания идти в академию. Заручившись словом дяди — не оставлять мать и сестер своим содействием и попечением, В. О. здесь же с своей стороны дает почти торжественное обещание, если будет жив, «никогда не оставлять своими заботами сестры», что и делал он, по словам Е. О., до конца своей жизни. «Постоянно помогал мне в воспитании и устройстве всех моих детей. Потом устроил другую сестру и после ее смерти воспитал двух ее детей».

Итак, вопрос об университете, благодаря авторитетной нравственной поддержке со стороны дяди, и при тогдашних воззрениях сумевшего оценить то, что называется «призванием», решен был в благоприятном для В. О. смысле. Но для осуществления решения нужны были средства. Любопытны и характерны сообщения Е. О.,

* Этот дядя В. О., судя по письмам к нему последнего из Москвы, по-видимому, был человек интеллигентный, по тогдашнему, конечно, времени, не чуждый книжки и вообще культурных интересов. Это обстоятельство и сближало, несомненно, с ним Ключевского. Из Москвы Ключевский высылает дяде книги, напр., литографированные лекции прот. Сергиевского¹⁷ («Лекции Сергиевского заготовил для вас литографированные...» — Письмо от 2 мая 1862 г.; «Доставил ли вам Покровский лекции Сергиевского, в чем я взял с него обещание?» — Письмо от 14 июня. Год не помечен); новые сборники поучений (Письмо от 4 ноября. Год не помечен); делится с ним чисто научными новостями: сообщает, напр., о публичных лекциях С. М. Соловьева¹⁸, об оригинальном взгляде его на Наполеона (Письмо от 20 декабря 1863 г.); нередко сообщает о своих научных занятиях, напр., под руководством Буслаева¹⁹ в Синодальной библиотеке (Письмо от 2 мая 1862 г.). «Занят теперь составлением сочинения по истории средневековой литературы, — сообщает он дяде в письме от 20 декабря 1863 г., — и выбрал для этого сочинение одного епископа французского Дюрана²⁰ “Rational des divins offices”...» и далее знакомит дядю с основным содержанием и характером книги.

рисующие опять удивительную скромность В. О., его необыкновенную душевную деликатность — и в этом тяжелом вопросе о средствах. Опытный в репетиторстве, он, несомненно, надеялся и в Москве жить уроками*. Но нужно было добраться до Москвы, нужны были средства и на первое время жизни там. Дядя В. О., любивший и ценивший его, давно уже приготовил ему необходимую для этого сумму денег, но стеснялся предложить В. О. до самого последнего времени; в свою очередь, и В. О. до последнего момента не позволил себе сделать даже намека относительно денег. Наконец, за несколько дней до отъезда, дядя решился его спросить: «Как же вы, В. О., без всяких средств едете в Москву?» Взмолвленный В. О. сказал: «Я еду в Москву, во-первых, с верой в Бога; а во-вторых, с надеждой на вас». Тогда дядя крепко обнял его и заплакал; не могли удержаться от слез и другие члены семьи, свидетели этого объяснения. Но сознавая, что данных денег далеко недостаточно будет В. О. и вместе не желая тревожить его предложением большей суммы, дядя допустил некоторую хитрость. Прощаясь с В. О., он подарил ему, чрез посредство жены своей, родной тетки В. О., молитвенник, советуя прибегать к этой книге в тяжелые минуты жизни. В. О. с благодарностью принял эту книгу «на память». И только впоследствии, в Москве, перелистывая подаренную дядей книжку, он к удивлению своему нашел в ней значительной ценности ассигнацию**. Сцена прощания с дядей, матерью и сестрами была тяжелой. В. О. проявлял необыкновенную заботливость в отношении к матери, скорбь которой была понятна, особенно в условиях того времени: на скорое свидание с сыном трудно было надеяться ввиду слишком 600-верстного расстояния до Москвы, которое нужно было тогда все преодолевать на лошадях; для этого потребовалось бы много и времени, и средств. В последние дни пред отъездом В. О. несколько раз принимался утешать мать, просил о том же сестру, допуская даже для воздействия на мать некоторую невинную ложь: он уверял ее, что к Рождеству непременно приедет в Пензу, что осуществить на самом деле ему оказалось совершенно невозможными. Но личное отсутствие В. О. в известной степени заменял деятельною перепискою с родными, особенно с дядей —

* Уроки, действительно, нашлись, хотя, по-видимому, и не особенно скоро, только в конце 1861–1862 учебного года. В первый раз Ключевский сообщает дяде об уроке в письме от 14 июня 1862 г., присланном из села Зимарова Раненбургского у. Рязан. губ., имения кн. С. В. Волконского²¹, у которого и жил это лето В. О. в качестве репетитора его детей.

** Об этом эпизоде, со слов самого В. О., рассказывал. нам проф. И. А. Каблуков²².

свящ. Европейцевым и с сестрой — Елиз. Осип.* В первых письмах к сестре из Москвы В.О., между прочим, делится с нею своими впечатлениями от университета и первого экзамена. В.О. рассказывает, как они трое семинаристов (двое из других семинарий), робкие, скромно одетые, вошли в громадный зал (очевидно, актовый — старого университета) и увидели группу джентльменов, в дорогих сюртуках, в манжетах и воротничках; у некоторых пенсне на носу; вид непринужденный, разговор развязный. Первое наше заключение при виде этой группы, — что это были профессора. Недоумение стало рассеиваться только с того момента, когда эти джентльмены, уже с менее отважным видом, потянулись к экзаменационному столу, и состязательная экзаменационная робость стала несколько ослабевать, когда удавалось слышать ответы этих господ, совсем не соответствующие их развязной наружности. Овладевать собой вполне мы стали только тогда, когда на наши ответы, часто взамен их молчания, действительные профессора милостиво качали головой и, перешептываясь, по-видимому, с интересом всматривались в наши истомленные нуждою и робостью лица.

Через несколько дней после окончания экзаменов в августе 1861 года от канцелярии университета было объявлено, что воспитанник Пензенской духовной семинарии Василий Ключевский принят в число студентов историко-филологического факультета Императорского Московского университета. Это было гранью, отделявшею «пензенский период» жизни великого историка от «московского».



* Имеющиеся в нашем распоряжении письма В.О. к дяде свящ. Европейцеву дышат удивительною нежностью и внимательностью по отношению к родственникам. Все события семейной жизни близко принимаются к сердцу и горячо обсуждаются В.О. Письма наполнены постоянными справками о здоровье, положении, намерениях многочисленных родственников В.О., живших и в Пензе, и в провинции (главным образом, в г. Саранске).